

Было очевидно: все эти годы Сюэ Юнь жила лишь тоской по сыну. Не будь у неё робкой надежды на то, что Хань Хэн когда-нибудь вернётся, она, преданная памяти покойного мужа, давно бы угасла от горя или наложила на себя руки.

Вещи Хань Хэна — от младенческих пелёнок до одежды, которую он носил перед самым уходом из дома, — сохранились в идеальном порядке. Всё это богатство бережно хранилось в огромном сундуке под тяжёлым замком.

— Помнишь эту рогатку? — Сюэ Юнь достала старую, потемневшую от времени игрушку с вытертой добела деревянной развилкой. Заметив озадаченный взгляд сына, она лишь мягко улыбнулась и тихим, ласковым голосом добавила: — Если помнишь — попытайся вспомнить. А не сможешь — ну и ладно. Главное, что ты вернулся живым и невредимым, большего матери и не нужно.

Хань Хэн молча кивнул, облегчённо выдохнув.

— В детстве ты был тем ещё сорванцом, — продолжила она. — Отец смастерил её для тебя своими руками. Кто же знал, что ты, бесстыдник, примешься палить из неё почём зря? Столько птичьих гнёзд перезорил — не сосчитать. Отец с тобой сладу не знал. А хуже всего то, что однажды ты ухитрился залепить из этой рогатки прямо в лоб Маленькому князю.

Сюэ Юнь внимательно наблюдала за его мимикой, но тот слушал её с совершенно чистым, недоумённым видом. Было очевидно: он действительно не помнит ни единого слова.

— Неужели я был таким отчаянным? — Хань Хэн с улыбкой завертел рогатку в руках. Дерево было древним, а кожаный ремешок для зажима камней — истёртым почти до дыр.

— Это ещё цветочки, ты и не такое вытворял, — Сюэ Юнь задумалась, словно она мысленно перенеслась на много лет назад. Она едва заметно улыбнулась. Подобные воспоминания давно стали для неё тем единственным лекарством, что помогало день за днём сносить тяготы одинокой жизни.

Хань Хэн не смел перебивать, послушно выжидая, пока она продолжит сама.

Во-первых, он боялся сболтнуть лишнего и выдать себя, а во-вторых — у него просто язык не поворачивался разрушить это хрупкое очарование прошлого. Женщина столько лет провела без мужа и без сына... Хань Хэн по природе своей был человеком мягким и жалостливым, особенно когда дело касалось женщин. Ещё во времена работы на съёмочной площадке актрисы — и знаменитые примы, и скромные дебютантки — обожали подшучивать над ним. Он никогда не обижался, неизменно проявляя к ним чуткость и терпение.

И делал он это вовсе не корысти ради. Просто прекрасно знал, как нелегко приходится женщинам выживать в безжалостных жерновах шоу-бизнеса.

Правда, к коллегам-конкурентам мужского пола он относился совсем иначе — там расслабляться не следовало, приходилось держать ухо востро и плести свои интриги, чтобы защитить завоёванное место под солнцем.

Сюэ Юнь разговорилась, и всё утро они провели за перебиранием её сокровищ. Кинжалы и копья, которыми когда-то забавлялся юный Хань Хэн, от постоянных прикосновений любящих рук блестели мягким, почти живым глянцем. Здесь были даже его детские одёжки — крошечные рубашонки и штанишки, аккуратно сложенные на самом дне.

Хань Хэн разглядывал этих безмолвных свидетелей чужого детства с искренним любопытством. Безжизненные вещи складывались в единую мозаику, воссоздавая образ живого, некогда счастливого человека и его канувшую в небытие прошлую жизнь.

До того как сбежать из дома, Хань Хэн больше всего любил две вещи: раздобыть какую-нибудь занятную безделушку и раструбить о ней Чжуан Лину. Они ведь росли вместе. Чжуан Лин был старше и всегда опекал его, словно родной брат. Совсем малышом Хань Хэн хвостиком бегал за ним, беспрестанно канюча: «Гэгэ, гэгэ!» — из-за чего над ним частенько потешались слуги княжеского поместья. Однажды орава зловредных мальчишек даже заперла его в заброшенном амбаре, где он просидел в темноте, голодный и насмерть перепуганный, до самого утра. Проведав об этом, Чжуан Лин пришёл в неописуемую ярость. Сам будучи ещё подростком, он разыскал Хань Хэна, лично притащил на руках в покои своей матери и потребовал, чтобы та сурово покарала каждого из обидчиков.

О том, как именно обошлись с малолетними задирами, Сюэ Юнь упомянула вскользь, но Хань Хэн легко догадался: всыпали им знатно.

С тех пор Хань Хэн сделался верным и постоянным спутником Чжуан Лина.

Время летело быстро. К тому моменту, когда Хань Хэну исполнилось двенадцать, семнадцатилетний Чжуан Лин уже вовсю помогал отцу в делах. Как законный старший сын, он должен был унаследовать княжеский титул и всё имущество, а потому его постепенно приобщали к управлению государством. Незаурядный талант юноши ярче всего проявился на военном поприще: его слава в войсках крепла с каждым годом. Вечно холодный, неприступный и властный, он, поговаривали, был способен сразить вражеского военачальника стрелой за пятьсот шагов.

Хань Хэн слушал, разинув рот от удивления. Он уже успел умять целую тарелку жареного гинкго и солёных слив, отчего во рту пересохло, и теперь без конца прикладывался к пиале с чаем.

— Матушка, ты про меня рассказываешь или про Чжуан Лина? — с улыбкой спросил он.

Сюэ Юнь легонько ткнула его пальцем в лоб:

— Какое ещё «Чжуан Лин»? Он — Маленький князь, наш господин и благодетель всей нашей семьи!

Хань Хэн скептически усмехнулся.

— Все люди рождаются равными. С какой стати мы должны считать себя хуже других?

Сюэ Юнь снисходительно улыбнулась:

— Сколько лет прошло, а ты всё такой же ребёнок.

— Перед матушкой я и в восемьдесят лет останусь ребёнком. Тем более ты у меня такая молодая и красивая, что люди на улице непременно примут тебя за мою младшую сестру!

— Ах ты, льстец несносный! — Сюэ Юнь шутливо ущипнула его за щеку и пару раз мягко похлопала по ней. Она смотрела на него притворно-сердито, но с безграничной нежностью.

Разглядывая её, Хань Хэн проникался к этой женщине всё большим теплом. Она была удивительно красивой и ласковой. Парень искренне не понимал прежнего Хань Хэна: как можно было сбежать от такой любящей матери?

В своей прошлой жизни Пэй Цзя больше всего на свете мечтал, чтобы мама хотя бы раз обняла его перед сном. Сколько он себя помнил, всегда спал один. Из школы его тоже никто никогда не забирал. Однажды хлынул жуткий ливень; зонта у него не было, встретить его никто не пришёл, да вдобавок на полпути порвались старые, заношенные до дыр сандалии. От обиды и одиночества он тогда разрыдался прямо посреди улицы.

Проведя с Сюэ Юнь весь день, Хань Хэн начал постепенно складывать картину своего прошлого. Прежний хозяин этого тела был взбалмошным, упрямым и дерзким малым, который совершенно не боялся родительского гнева.

А всё потому, что за его спиной всегда стоял могущественный покровитель.

В те годы, под надёжным крылом Чжуан Лина, Хань Хэн жил в княжеском поместье на правах полугосподина. Никто не смел перечить малолетнему смутьяну, и можно было только догадываться, сколько завистливых взглядов провожало его за спиной.

Хотя Сюэ Юнь не говорила об этом напрямую, Хань Хэну с помощью намёков и осторожных расспросов удалось выудить немало полезных сведений.

Похоже, Чжуан Лин действительно питал к Хань Хэну особые чувства — оберегал и лелеял его больше десяти лет.

Когда Хань Хэн сбежал, для княжеской резиденции исчезновение сына служанки прошло незамеченным. Однако Чжуан Лин не находил себе места. Он разослал множество ищеек по всей стране — тут он не солгал. Но бродячий театр постоянно кочевал с места на место, да и сама труппа была крошечной, поэтому поиски растянулись на долгие четыре года. И если бы Чжуан Лин случайно сам не наткнулся на него и не прислал письмо с требованием выслать выкуп, его искали бы до сих пор.

Правда, Сюэ Юнь понятия не имела, зачем сыну понадобилась столь круглая сумма.

Она лишь сокрушённо вздыхала, предполагая, что Хань Хэн снова ввязался в неприятности. В детстве он только и делал, что проказничал, переколотив в княжеском доме прорву ценной посуды. Но Чжуан Лин неизменно покрывал его грехи, так что мальчишка никогда ни в чём не нуждался.

Однако в рассказе Чжуан Лина крылась одна нестыковка.

Этот дом приобрёл вовсе не для того, чтобы Хань Хэну было где залечивать раны. Оказалось, перед побегом неблагодарный юнец утащил из княжеской сокровищницы несколько редких реликвий. Чжуан Лину пришлось долго вымаливать для него прощение у разгневанных родителей, из-за чего в благородном семействе разразился нешуточный скандал.

Сюэ Юнь коснулась этой темы вскользь, стараясь сгладить углы.

Но и без лишних слов было ясно: отношения Чжуан Лина и Хань Хэна зашли слишком далеко, из-за чего семья Хань долгие годы пользовалась щедрыми милостями княжеского дома. Когда же непутёвый сын внезапно исчез, положение усложнилось. Супруг Сюэ Юнь давно скончался, и хотя она когда-то была кормилицей юного принца, тот уже давно вырос и в её заботе не нуждался.

Сама Сюэ Юнь утверждала, будто ей стало неловко стеснять господ своим присутствием, и, скопив приличную сумму, она решила съехать.

Усадьбу для неё купил сам Чжуан Лин. Особых трат жизнь в новом доме не требовала, однако женщина всё равно без конца тревожилась, как бы со временем не остаться у разбитого корыта, растратив все сбережения.

Хань Хэн поспешил её успокоить, пообещав, что со всем разберётся.

Сюэ Юнь лишь ласково улыбнулась в ответ.

Хань Хэн понимал её сомнения. Во-первых, мать никогда не ждала от него финансовой помощи. Во-вторых, с его нынешним изуродованным лицом показываться на людях было чистым безумием, не говоря уже о каком-то заработке.

Тем не менее у него созрел собственный план. Пэй Цзя столько лет крутился в шоу-бизнесе, пел и танцевал — уж в индустрии развлечений он знал толк. Сюэ Юнь располагала кое-каким капиталом, и в голове Хань Хэна постепенно вырисовывалась блестящая идея. Почему бы не открыть элитный музыкальный салон? Нужно лишь разузнать побольше о нравах местных обывателей. Нарушать законы он не собирался, излишне эпатировать публику — тоже. Действовать следовало тонко и расчётливо.

После ужина он решил немного прогуляться по саду. Матушка приставила к нему юную служанку, чтобы та показала дорогу.

— Впереди небольшой пруд, там сейчас как раз распустились кувшинки. Молодой господин желает взглянуть? — спросила девочка. Звали её Му Сян. Ей было от силы лет тринадцать-четырнадцать — милое, опрятное дитя.

— Пойдём, взглянем, — Хань Хэн глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух. В комнатах стояла тяжёлая, затхлая атмосфера — то ли оттого, что они долго пустовали, то ли из-за обилия старой потемневшей мебели. Ему казалось, что если он просидит взаперти ещё немного, то непременно покроется плесенью.

Му Сян шла чуть впереди, старательно отводя взгляд от его лица.

Понимая её страх, Хань Хэн деликатно отвернулся и заговорил первым:

— Давно моя матушка здесь устроилась? — непринуждённо поинтересовался он. — А ты сама давно у нас? Постоянно прислуживаешь матушке?

— Госпожа покинула княжеский дворец несколько лет назад, а я здесь совсем недавно, и года не прошло, — тихо отозвалась Му Сян. — Я ещё маленькая, неловкая, госпожу близко не обслуживаю, только по хозяйству помогаю.

Голос Хань Хэна звучал на редкость приятно — глубоко, мягко, но без капли женоподобия. В его интонациях сквозило удивительное терпение.

Этот голос сильно отличался от прежнего голоса Пэй Цзя. В прошлой жизни Пэй Цзя говорил со слегка капризными, избалованными нотками, да и сейчас, общаясь с Сюэ Юнь, он неосознанно начинал ластиться — уж очень подкупала его ласковость матери.

Сам Пэй Цзя находил голос Хань Хэна весьма благородным. Ему казалось, что если этот человек заговорит холодно и строго, то в его тоне будет куда больше величия, чем у самого Чжуан Лина. Впрочем, судить было рано — он пока слишком мало знал о прежнем хозяине тела, как и о новом мире в целом.

— Ты кажешься мне смышлёной девочкой, — ободрил её Хань Хэн. — Учись прилежно у

старших служанок, и матушка обязательно тебя заметит и полюбит.

Му Сян восторженно посмотрела на Хань Хэна, кажется, совсем позабыв о своём недавнем страхе.

— Правда? Госпожа действительно полюбит меня?

— Зачем мне тебя обманывать? Я никогда не лгу, — без зазрения совести соврал Хань Хэн.

Девчушка так густо покраснела от восторга и смущения, что выглядела теперь невероятно мило. Хань Хэн невольно улыбнулся — этот ребёнок был чист и невинен, словно белый лист бумаги.

Он уже и забыл, когда в последний раз видел человека, способного столь искренне радоваться простому доброму слову.

Поддавшись порыву, Хань Хэн ласково погладил её по голове.

Му Сян опустила пылающее личико, она заметно дрогнула, держа фонарь, отчего тени пустились в пляс. Но стоило ей вновь поднять глаза, как она мертвенно побледнела. Она замерла, глядя на высокую фигуру, стремительно приближавшуюся со спины Хань Хэна. Девочка испуганно ахнула, фонарь выпал из её ослабевших пальцев и покатился по траве.

Хань Хэн удивлённо обернулся.

— Вот ты где. Я обыскался тебя, — раздался резкий, недовольный голос Чжуан Лина. Юный князь подошёл вплотную. Холодно взглянув на испуганную служанку, он сухо спросил: — Тётушка Юнь приставила её к тебе?

Хань Хэн взъерошил волосы, поднял с земли упавший фонарь и бережно вложил бамбуковую ручку обратно в дрожащие пальцы Му Сян.

— Нет, я просто решил немного прогуляться. Дороги не знаю, вот и попросил проводить, — Хань Хэн сам не понимал, почему инстинктивно скрыл, что её прислала Сюэ Юнь. Мелочь, казалось бы, однако от ледяной ауры Чжуан Лина у него перехватило дыхание. Каждое движение давалось с трудом, а невидимые тиски напряжения сковывали тело, заставляя замереть на месте.